

УДК 316.347
ББК 60.545.1
Н 58

В.Н. Нехай,

*доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп,
тел.: +78772593984, e-mail: slava0482@mail.ru;*

А.А. Шаов,

*доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп,
тел.: +78772593984, e-mail: asfarshaov@mail.ru;*

В.М. Фатьянов,

*аспирант кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО «Адыгейский
государственный университет», г. Майкоп, тел.: +78772593984, e-mail:
dr.fatianoff@yandex.ru;*

Б.Р. Шумафов,

*аспирант кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО «Адыгейский
государственный университет», г. Майкоп, тел.: +78772593984, e-mail:
afasizhev@list.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности этнокультурного развития мирового сообщества в условиях глобализации. Авторы утверждают, что глобализационные процессы, порождая этносоциальную напряженность, продуцируют закономерную потребность человечества в формировании толерантности как способности социальных агентов сохранять терпимое отношение к этнокультурным различиям.

Ключевые слова: глобализация, этнокультурные процессы, толерантность, социокультурная стратегия, мультикультурализм, конвергенция.

V.N. Nekhay,

*Doctor of Sociology, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department,
Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772593984, e-mail: slava0482@mail.ru*

A.A. Shaov,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology
Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772593984, e-mail:
asfarshaov@mail.ru;*

V.M. Fatyanov,

*Post-graduate student of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State
University, Maikop, ph.: +78772593984, e-mail: dr.fatianoff@yandex.ru*

¹ Данная статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

B.R. Shumafov,

Post-graduate student of Philosophy and Sociology Department, Adyge State University, Maikop, ph.: +78772593984, e-mail: afasizhev@list.ru

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE CONDITIONS OF TOLERANCE FORMATION IN THE GLOBALIZED WORLD

Abstract. The paper discusses the features of ethnocultural development of the world community in the conditions of globalization. The authors claim that globalization processes, generating ethnosocial tension, produce natural need of mankind to form tolerance as ability of social agents to keep tolerant attitude to ethnocultural distinctions.

Keywords: globalization, ethnocultural processes, tolerance, sociocultural strategy, multiculturalism, convergence.

В начале XXI в. человечество испытывает на себе влияние двух мощных противоречивых процессов: этнизации и глобализации. Отсутствие (единого) универсального рецепта адаптации к указанным амбивалентным тенденциям превращает современные этносоциальные общности в турбулентное пространство культурной диссипации. В данных условиях это, разумеется, несет в себе риск разрушения этноидентификационного кода, с одной стороны, и одновременно способно обострить этноконфессиональную напряженность, которая усиливается как неизбежная реакция на нивелирующее воздействие глобализации.

В этой связи в современном обществе возникает закономерная потребность в формировании и реализации социокультурной стратегии, ориентирующейся на снятие деструктивности фундаментальных различий и выработку подхода к сопряжению разнородного. Поэтому в данной статье ставится цель – рассмотреть особенности развития этнокультурных процессов в условиях глобализирующегося мира и охарактеризовать их влияние на формирование толерантной среды в полиэтничном социуме.

Как справедливо замечает М.М. Мчедлова, данная интенциональная установка реализуется в феномене толерантность. Необходимость

внедрения ее фундаментальных принципов обусловлена основополагающим противоречием современности – между универсально-нормативным нарративом модерна и социокультурным плюрализмом как основанием современности. Толерантность как концептуальный подход и политическая стратегия представляются механизмом оформления плюрализации социокультурной жизни, что выражается в дихотомии восприятия толерантности как соционормативного конструкта и реальной культурно-исторической практики.

При этом необходимо отметить, что, будучи производным от латинского слова «tolerantia», данная категория вбирает в себя концепт терпимости, но не ограничивается им. Она вдобавок подразумевает устойчивость и допустимое отклонение [1; 70–73].

В этом контексте толерантность выступает как условие сохранения разнообразия и представляет собой норму цивилизованного компромисса между культурами. Развиваясь как социокультурная стратегия, толерантность в качестве механизма регулирования этнополитических процессов институционализирована в Декларации принципов толерантности, принятой Организацией объединенных наций в 1995 г. В её преамбуле зафиксированы доктринальные

основания институционализации толерантности как политической стратегии: перманентные акты нетерпимости, ксенофобии, насилия, терроризма, шовинизма, расизма, маргинализации и дискриминации по отношению к этнонациональным и религиозным меньшинствам, мигрантам, беженцам, а также акты насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, реализующих право на свободу мнений и выражение убеждений, угрожающих миру и демократии на национальном и международных уровнях [2].

Глобализационные процессы вносят в понятие толерантности существенные коррективы. Несмотря на постулирование приверженности общечеловеческому единству и усиление факторов интеграции человечества, мировое сообщество по-прежнему пребывает во фрагментированном состоянии. Широкие слои человеческой жизни, связанные с религией, этничностью, смысловым резервуаром территорий, развиваются автономно и поэтому оказывают собственное влияние на социокультурный процесс. При этом наблюдается повышение культурного многообразия не столько за счет традиционных форм, сколько за счет возникновения новых, носящих пограничный или интеркультурный характер [3; 8–10]. Ярким примером инсталлирования непривычных социальных стандартов в структуру российского общества является доктрина мультикультурализма, которая, вместо того, чтобы фасилицировать процесс аккомодации гетерогенных культур и способствовать снижению деструктивного влияния ксенофобских настроений в полиэтничной среде, лишь усиливает культурные различия и нарочито в циничной форме вульгаризирует различия. Особо остро проблема демаркации культур стоит в крупных регионах и мегаполисах, где реализуемые на протяжении последних лет программы толерантного

воспитания и межкультурной коммуникации дают половинчатый эффект. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования «Межэтнические и межконфессиональные отношения в Москве», проведенного в 2014 г. А.П. Червинской. Судя по результатам данного исследования, наибольшую угрозу безопасности России москвичи видят в притоке избыточного числа мигрантов. Так высказались 58,5% опрошенных, тогда как проблема проникновения коррупции во все уровни государственной власти беспокоит 42,2%. 41,6% в качестве угрозы безопасности России выделяют агрессию в виде международного терроризма, что свидетельствует о высоком уровне тревожности жителей столицы [4; 70].

Особого внимания заслуживает и исследование А.П. Червинской, которая утверждает, что острота восприятия взаимоотношений с мигрантами зависит от социально-демографических характеристик. Так, лица, не придерживающиеся какого-либо вероисповедания, чаще предъявляют «черную метку» миграционной угрозы (55% среди верующих и 78,6% среди атеистов). Данная проблема вызывает большую тревожность среди лиц со средним достатком (64,1%), нежели среди людей с высоким и низким уровнем дохода (49,4% и 41,1%, соответственно). Это объясняется возможностью состоятельных россиян нивелировать дискомфорт, вызванный трудовой миграцией в регион, которой они не в последнюю очередь обязаны своим материальным благополучием.

При этом эксперты, оценившие межнациональные отношения в рамках того же исследования, выделяют несколько иные группы угроз. К их числу были отнесены внешнеполитические факторы, культурный упадок, межэтнические конфликты, демографические проблемы. По мнению экспертного

сообщества, указанные трудно-сти возможно преодолеть только при наличии национального единства и гражданской сплоченности как императивного требования к идеологической системе России. Наибольшую угрозу для российского государства таит приход к власти страны людей, у которых стерта или отсутствует гражданская, национальная, общественно-историческая и этническая самоидентификация [4; 71].

Ослаблению идентификационного кода современного человечества способствует возрастающее влияние секулярных принципов западноевропейского общества с их ориентацией на гедонистические ценности. Причем эта модель поведения стала одинаково приемлемой как для европейской молодежи, погруженной в структуру гедонистического модерна, так и для представителей многочисленных африканских и ближневосточных диаспор, представители которых предпочитают перекладывать все бремя трудовой деятельности на эмансипированное европейское население, перманентно игнорируя ценность праведного труда как фундаментальной добродетели традиционного европейского общества. Несмотря на полярные мировоззренческие основания, две указанные социосреды реализуют единую стратегию социального действия – уход от незыблемых на протяжении пяти столетий капиталистических устоев с протестантской этикой как социоинтегративного и цивилизационного стержня. Вопреки наличию единой праксеологической ориентации, формирование толерантной среды посредством мультикультурной концепции как формулы унитаризации социального пространства при одновременном сохранении культурных различий в подобном обществе представляется крайне затруднительным.

Но тогда возникает два закономерных вопроса: каким образом добиться конвергенции традиционных

ценностей российского общества с аксиологическими принципами Запада и стоит ли её усиливать в условиях энтропии современного миропорядка?

С легкой руки Д.А. Медведева, российский истеблишмент в качестве конвергенционной доктрины, призванной сблизить Россию и Запад, провозгласил концепцию модернизации. Однако, как справедливо замечает В.Г. Федотова, она воспринимается как технико-экономическая либо политическая. Это обстоятельство значительно искажает её суть, ибо её конечная цель – современное общество с новыми социально-сконструированными и традиционно выработанными актуальными ценностями самоуважения, уверенности в завтрашнем дне, следованием правилам игры, которые позволяют планировать свою жизнь. При этом не следует сбрасывать со счетов ценности традиционного общества: гордость за военные и трудовые подвиги, патриотизм как любовь к своей стране, совмещенную с гражданской идентичностью, открытость и гуманистическое отношение к ближнему [5; 48], так как они не деформируют, а, напротив, усиливают консолидационное значение нарративов модерна.

Для формирования толерантности в российском социуме к западным социокультурным ценностям необходимо дистанцироваться от дихотомии «Россия – Запад» и говорить о недостатках Запада как о предательстве им своих традиционных ценностей, а также о недоверии к способности России и других незападных стран жить с современными ценностями. И это после того, как Россия со времен Петра I взяла открытый курс на модернизацию социально-политических институтов! Следовательно, как заключает В.Г. Федотова, традиционные ценности России как инварианта модернизационной мультикультуральности подчеркиваются не ради отрицания современных, а для

демонстрации их прочных корней и критического отношения к анонимии [5; 50].

Давая ответ на второй вопрос, мы, возможно, отказываемся от поиска эффективного лекала для конвергенции аксиологических нарративов евразийского пространства. Дело в том, что современный мир перманентно усложняется, тиражируя в бесконечной прогрессии множество разнообразных социосистем. После падения Берлинской стены, распада СССР и крушения социалистической системы, мир окончательно потерял единую бииерархичную структуру. Калейдоскоп происходящих в последнюю четверть века событий значительно поубавил число поклонников социального детерминизма. В условиях, когда взамен идеологически и политически детерминированной культуре приходит сетевая культура, интенция на построение толерантной среды, требующей значительной конвергенции социопраксеологического пространства, представляется иллюзорной.

В этой связи трудно не согласиться с А.И. Неклессой, который утверждает, что новая культура, подобно вирусам, может присутствовать во плоти прежних социальных организмов, инфицируя их и продуцируя конструктивный по своей сути конфликт между административной иерархией и сетевой культурой. Современный мир – это реактор, пребывающий в активном состоянии, который инерционно флуктуирует и реструктурирует штатный режим работы. Контроль и управление людьми и событиями в динамичном мире ему представляются едой на тигре, где, несмотря на наличие опытных дрессировщиков, постсовременное общество спонтанно преподносит новые и непредсказуемые сюрпризы [6; 103–104]. Сказанное означает, что в начале XXI в. мир решительно будет меняться в сторону неопределенности, которая значительно усилит

экстремальность социального бытия. В этих условиях базовые социальные институты (государство, семья и т.д.) будут подвергаться активному прессингу со стороны сетевых структур, размывающих существовавшую ранее иерархию идентичностей. Новая социосреда серьезным образом деформирует и механизмы достижения социальной конформности: если ранее социальный конформизм достигался путем воздействия на социальных агентов институциональным способом (выработкой норм либо использованием санкций), то в новой реальности сетевой структуры посредством усиления мобильности социальных акторов фасилицируют уход от любых форм ответственности. Поэтому цена толерантной социальности неимоверно возрастает, а этничность как канал формирования толерантности задвигается на второй эшелон. Дело в том, что этнические регулятивы (мораль, ценности, этническое самосознание) сохраняют функциональность только в условиях традиционного общества, где никто не подвергает значимость этнической составляющей сомнению. В современном мире на первое место выдвигается утилитарно-гедонистическая идеология с её редукцией к жизненному успеху личности, в которой этничность выступает в роли культурного барьера, блокируя «человеку этническому» доступ к глобальному старт-апу.

Указанная данность усиливает амбивалентность современности. С одной стороны, нивелируя этнокультурный фактор до рудиментарного уровня, сетевой глобализм не отсекает от структуры человеческого сознания этнические архитипы, а лишь бравирует наиболее болевыми их компонентами, тем самым легко манипулируя этническими стереотипами и используя их в своих целях. С другой стороны, передислокация этничности в системе ценностей индоктринирует

современному человеку, освободившегося от «гнета этничности», чуждые принципы социального комфорта (утилитарность, практичность, гедонистичность). И, казалось бы, легче жить в мире приглаженной логики и рафинированных забот, нежели тянуть на своих плечах всю тяжесть этнической солидарности и неизбежно повиноваться волеизъявлению социальной массы в лице этноса. Обретаемая внешняя свобода должна, по идее, индивидуализировать социальное бытие. Однако в действительности этого не происходит: личность не обретает внутренней свободы, поскольку достигаемая путем форсированного торпедирования деэтнизация личности, лишь реанимирует этнические архетипы, которые формировались в психологии народа столетиями, и любая попытка этничности заявить о себе в сознании современного человека квалифицируется обществом модерна как вызов всему человечеству. При этом меняется и система выстраивания толерантности к этнокультурному разнообразию: если в традиционном обществе толерантность достигалась путем поиска общечеловеческого начала в разных этнокультурах и основным средством ее достижения являлась народная дипломатия, то в обществе модерна терпимость базируется на отсечении либо демонстрации этничности и конвергенции человечества на основе ценностей утилитарно-гедонистического порядка по западному сценарию. То, что не соответствует идеологии западного человека, целенаправленно облакается в антигуманистические рамки и впоследствии выбрасывается как культурный хлам. Любое сопротивление либо отказ от переваривания продуктов вестерна мгновенно воспринимается в штыки и методично подвергается массивной бомбардировке. Причем, признавая необходимость ведения борьбы исключительно демократическими методами, Запад

по всему евразийскому периметру инициировал цепочку военно-политических конфликтов, центральным звеном которого стал Украинский кризис. Педалируя демократической риторикой, Запад в течение нескольких месяцев ввернул крупнейшую европейскую страну в состояние гражданской войны, спровоцировал тяжелейший социально-экономический кризис, в результате чего Украина понесла многотысячные человеческие жертвы, а экономика некогда индустриально развитой страны вступила в глубокую рецессию. Но самый тяжелый урон заключается в попытке разрушить вековые связи с Российским государством, которое культурно, этнически, политически и пространственно сохраняло с украинским народом экзистенциальную близость.

События на Украине 2014–2015 гг. являются наглядным примером непримиримости Западного мира к инокультурному развитию, решительно требующему радикальной перестройки культурно-исторического кода других цивилизационных систем. Однако человечество, находясь в системе разных социально-исторических координат, демонстрирует резистентность массивному воздействию западных паттернов и, несмотря на реализацию глобализационных процессов по западному сценарию, по-прежнему стремится сохранить свой этнокультурный иммунитет.

Таким образом, необходимо признать, что усиление гетерогенности этнокультурного бытия и гомогенности социальных практик с их утилитарно-гедонистическим подтекстом, энтропия существовавшего ранее миропорядка одновременно продуцируют общечеловеческую потребность в формировании толерантной среды, которая могла бы гарантировать этнокультурное многообразие планеты. Особую актуальность данная установка несет для Северного Кавказа, самого полиэтничного

по автохтонному составу населения в России региона. Трудно возразить А.Ю. Шадже, которая отмечает, что глобализация, наряду с унификацией человеческого общежития, «может привести к формированию новых синтетических форм этнокультурной идентичности при сохранении самостоятельных культур, их образующих» [7; 56]. Однако если глобализационные процессы будут и в дальнейшем структурировать мировое сообщество согласно логике

Вашингтонских дирижеров, то человечество неизбежно захлестнет мощная волна традиционализма, который как реакция на всеобщую унификацию сможет приобрести этнонационалистический окрас. И тогда априорная интенция концепта «толерантность», призванного сохранять многообразие культур в локализованной полиэтничной среде, окончательно превратится в лишнее экзистенциального смысла заклинание.

Примечания:

1. Мчедлова М.М. Толерантность как политическая стратегия оформления культурного многообразия // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 70–82.
2. Преамбула Декларации принципов толерантности. Утверждена Резолюцией 5.61. генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: <http://www.tolerance.ru/html>.
3. Паин Э.А. Толерантность как условие этнополитической интеграции (мировой и российский опыт) // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. С. 8–10.
4. Червинская А.П. К вопросу о структуре и влиянии самоидентификации русского населения на его взаимоотношения с мигрантами (на примере г. Москвы) // Власть. 2015. № 4. С. 70–72.
5. Федотова В.Г. Различия политических культур и международные конфликты // Полис. 2015. № 1. С. 44–54.
6. Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. 2015. № 1. С. 85–110.
7. Шадже А.Ю. О людях и книгах. М.; Майкоп: РОС, 2012. 120 с.

References:

1. Mchedlova M.M. Tolerance as a political strategy of cultural diversity processing // Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political sciences. 2012. No. 2. P. 70–82.
2. The Preamble of the Declaration of Principles of Tolerance. Approved by Resolution 5.61. of the UNESCO General Conference on 16 November 1995. URL: <http://www.tolerance.ru/html>.
3. Pain E.A. Tolerance as a condition of the ethno-political integration (international and Russian experience) // Bulletin of Kennan Institute in Russia. 2009. Iss. 16. P. 8–10.
4. Chervinskaya A.P. On the problem of the structure and the influence of self-identity of the Russian population on its relations with migrants (based on Moscow experience) // Vlast. 2015. No. 4. P. 70–72.
5. Fedotova V.G. Differences of political cultures and international conflicts // Polis. 2015. No. 1. P. 44–54.
6. Neklessa A.I. Windows into the future: the culture of complexity and self-organization // Polis. 2015. No.1. P. 85–110.
7. Shadzhe A.Yu. About people and books. Moscow-Maikop: ROS, 2012. 120 p.